

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ASSOCIATES PROGRAM

In grateful recognition
of

Charles S. Whitman III
Class of 1964

for generous support of the
Harvard College Fund

1992-1993

The Harvard College Library

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССУ.

1896.

М А Й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1896.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
В. И. Модестовъ. Образованіе римской расы и условия римскаго величія	1
Д. Н. Кудрявскій. Пріемъ почетнаго гостя по древне-индійскимъ правиламъ домашняго ритуала	28
И. Э. Лейкфельдъ. Логическое ученіе объ индукціи въ главнѣйшіе историческіе моменты его разработки (<i>продолженіе</i>)	61

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. Н. Ренисенкампфъ. <i>H. M. Коркуновъ</i> . Пропорціональные выборы. С.-Пб. 1895	98
Н. Д. Четуніицъ. <i>Simon Askenazy</i> . Die letzte polnische Königswahl. Inaugural-Dissertation. Göttingen. 1894	111
Д. П. Никольскій. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. <i>Ф. Мортенсъ</i> . Томъ XI трактаты съ Англією. 1811—1831. С.-Пб. 1895	117
Е. О. Карскій. Новыя труды по бѣлорусской этнографіи (за 1895 г.)	153
И. Я. Новое сочиненіе по Кирилло-Меводіевскому вопросу	163
Ө. Ө. Зигель. <i>W. R. Morfill</i> . The story of Poland. New York G. P. Putnam's sons. London. T. Fisher Unwin. 1893	195
— Книжныя новости	216
— Отчетъ графа П. А. Капниста о поѣздѣ, совмѣстно съ профессоромъ Шварцемъ, лѣтомъ 1894 года въ Германію и Францію для ознакомленія съ нѣкоторыми учебными заведеніями этихъ странъ (<i>продолженіе</i>)	1
— Наша учебная литература (разборъ 9 книгъ)	39

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Московскій Публичный и Румянцевскій музеи въ 1892—1894 годахъ	1
А. К. Вороздинъ. А. И. Незеленовъ (<i>некрологъ</i>)	6
С. Л. Итаницкій. О. А. Вершадскій (<i>некрологъ</i>)	9
В. Д. Смирновъ. И. Н. Веземъ (<i>некрологъ</i>)	29
— А. Н. Труворовъ (<i>некрологъ</i>)	35

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Ө. Ф. Зѣлинскій. О Софоклѣ-врачѣ	49
М. П. Ростовцевъ. Двѣ метрическія надписи изъ Филиппополя	63
Ө. Г. Мищенко. Этнографія Россіи у Геродота	69
Р. Х. Ленеръ. Тридцать тирановъ	90

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

Н. А. Любимовъ. Исторія физики	273
--	-----

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ **В. Васильевскій**.

(Вышла 4-ю мая).

ОБРАЗОВАНИЕ РИМСКОЙ РАСЫ И УСЛОВІЯ РИМСКАГО ВЕЛИЧІЯ.

(Отрывокъ изъ публичныхъ лекцій о Римѣ древнемъ и новомъ).

Исторія возрастанія и могущества древняго Рима до того поразительна, что невольно рождается вопросъ: что́ это была за могучая раса, которая съумѣла изъ крохотной общины, основанной Ромуломъ на Палатинѣ, сдѣлать со временемъ главу чуть не всего обитаемаго міра, которая создала себѣ до того мудрыя учрежденія, что, опираясь на нихъ, Римъ могъ не только развить въ себѣ несокрушимую внутреннюю энергію, но и управлять, даже въ періодъ своего упадка, въ теченіе столѣтій, какъ одною семьей, родомъ человѣческимъ, начавшимъ уже называть Римъ общимъ отечествомъ¹⁾? Изъ какихъ элементовъ образовалась эта избранная раса, отмѣченная особымъ перстомъ исторіи?

Отвѣчать ясно и отчетливо на этотъ вопросъ не столь легко, какъ кажется. Вопросъ о расахъ, объ ихъ образованіи, объ ихъ происхожденіи принадлежитъ къ самымъ темнымъ для историка. На основаніи цвѣта кожи, на основаніи языка, всѣ народы земнаго шара болѣе или менѣе подведены подъ извѣстныя племенные рубрики, но это опредѣленіе — внѣшнее, обыкновенно не дающее намъ надлежащаго понятія о томъ, какъ этнологически образовался тотъ или другой народъ, откуда въ немъ физическія и духовныя особенности, которыхъ нѣтъ у другого народа того-же племени. Наконецъ, есть

---

¹⁾ „Ты создалъ“,—говоритъ галльскій поэтъ V вѣка до Р. Хр., Рутлій Наматіанъ, обращаясь къ Риму, — „для разныхъ народовъ одно отечество“ (*De red. suo*, I, 68): *Fecisti patriam diversis gentibus unam.*

историческіе народы, и очень важныя, расовая принадлежность которыхъ остается для насъ тайною: таковы египтяне, первый государственный народъ въ исторіи; таковы этруски, игравшіе столь важную роль въ судьбахъ древней Италіи. Языкъ, принимаемый обыкновенно за главный признакъ племенной принадлежности, служить часто наиболѣе сомнительнымъ указателемъ этнографической сущности народа. Французы, на основаніи языка, которымъ они теперь говорятъ, относятся къ латинскому или романскому племени, между тѣмъ какъ они, заключая въ себѣ всего больше кельтскихъ элементовъ, значительную долю иберійскихъ, нѣкоторую долю лигурийскихъ, не мало германскихъ и очень мало романскихъ элементовъ, всего менѣе могутъ быть отнесены по своей физической организаціи или, если угодно, по своей крови къ латинскому племени, какъ и испанцы, истые представители иберійской расы, одной изъ самыхъ древнихъ, какія въ доисторическія времена населяли Европу. Скрещиваемость людскихъ породъ началась съ отдаленнѣйшихъ временъ и продолжалась во все время исторіи. Многія изъ древнихъ породъ давнымъ давно угасли, какъ продолжаютъ угасать разныя породы и въ наше время не только среди далекихъ отъ насъ племенъ Нового и Старого свѣта, но и въ самой Европѣ, какъ это на нашихъ глазахъ совершается, напримѣръ, съ басками на югѣ, съ самоѣдами на сѣверѣ, и потому указать роль этнографическихъ элементовъ, изъ которыхъ составился народъ, въ образованіи его характера, душевнаго склада и способностей очень трудно, и тѣмъ труднѣе, что сами эти элементы могутъ быть уже далеко не первичной формациі. Все это я говорю для того, чтобы показать, какъ мало мы можемъ быть точны въ опредѣленіи расовой особенности римскаго народа, служившей, безъ сомнѣнія, однимъ изъ главныхъ факторовъ его историческаго величія.

Въ наносной почвѣ, покрывающей вулканическіе туфы долины Тибра и его притока Аніо, попадаются кости слоновъ, носороговъ, яппопотамовъ, вмѣстѣ съ ними кости быковъ, лошадей, свиней, медвѣдей, оленей, ланей, рысей, и тутъ-же нерѣдко кремневые наконечники копій, грубые каменные ножи и тому подобные предметы, принадлежащіе къ такъ-называемой археолитической (древне-каменной) эпохѣ. Этимъ свидѣтельствуется существованіе въ означенныхъ мѣстахъ человѣка въ такую пору человѣческаго бытія, которую трудно опредѣлить съ точностью, но которая, по всей вѣроятности, восходитъ не къ одному десятку тысячелѣтій до нашего времени. Но нѣ-

которые римскіе геологи находятъ слѣды существованія человѣка въ гравіѣ Яникула еще въ пліоценовую эпоху, что отодвигаетъ начало обитанія его въ возвышенныхъ мѣстахъ Лаціума въ гораздо болѣе отдаленную пору, которая, измѣряясь уже сотнями тысячелѣтій, при недостаткѣ твердо установленныхъ данныхъ, по неволѣ возбуждаетъ относительно существованія человѣка въ третичный періодъ сомнѣнія. Во всякомъ случаѣ установлено ¹⁾, что человѣкъ существовалъ на сосѣднихъ Апенниннахъ и на возвышенныхъ мѣстахъ Лаціума въ эпоху, которая предшествовала вулканическому поднятію долины Тибра, находившейся до тѣхъ поръ подъ водою, и сталъ спускаться въ нее. когда уже образовались рѣки съ ихъ близкимъ къ настоящему русломъ, хотя дѣятельность вулкановъ этихъ мѣстъ еще далеко не замерла къ тому времени. Этого, предполагаемаго по оставленнымъ имъ грубымъ орудіямъ, человѣка, однако, мы не знаемъ и считаться съ нимъ въ нашихъ комбинаціяхъ не можемъ.

Племя, которое уже застаютъ исторія обитающимъ въ этой долинѣ, не имѣло, по своему происхожденію, ничего общаго съ тѣми первобытными обитателями. Въ эпоху построенія Рима Лаціумъ населяло племя латинское, родственное другимъ племенамъ такъ-называемой индо-европейской семьи и прибывшее на Апеннинскій полуостровъ сравнительно въ позднее время. Однако въ половинѣ VIII столѣтія до Р. Хр. оно тамъ сидѣло прочно и имѣло города, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ Пренесте, имѣли въ это время уже значительныя торговыя сношенія съ финикіянами. Когда появилось на берегахъ Тибра племя, извѣстное потомъ въ исторіи подъ именемъ латинскаго, мы съ точностью сказать не можемъ, но, принимая во вниманіе какъ прочную осѣдлость его въ половинѣ VIII столѣтія до нашей эры, такъ и другія обстоятельства, между прочимъ древность горныхъ поселеній по ту сторону Тибра у родственниковъ этому племени фалисковъ, жившихъ въ юго-восточномъ углу Этруріи ²⁾, а также и очень раннее распространеніе нѣкоторыхъ его вѣтвей на югъ полуострова (сикулы), должны отнести начало появленія этого племени въ Средней Италіи во всякомъ случаѣ далеко за тысячу лѣтъ до

¹⁾ См. результаты изслѣдованій о геологическихъ формаціяхъ Лаціума и о слѣдахъ существованія въ древнѣйшую пору въ этихъ мѣстахъ человѣка въ „*Condizioni topografiche e fisiche di Roma e di Campagna Romana*“ инженера Ф. Джордано (Римъ, 1878). Приложена хорошая геологическая карта.

²⁾ См. мою статью „Фалиски“ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, мартъ, 1895, стр. 125 слѣд.

христіанскаго лѣтосчисленія. Прежде чѣмъ перевалить черезъ Апеннины и двинуться въ эти мѣста, они, какъ это все болѣе и болѣе раскрываютъ археологическія изслѣдованія¹⁾ въ Сѣверной Италіи, пребывало неизвѣстное намъ время въ такъ-называемыхъ терремарахъ долины По, связь съ которыми, повидимому, оставалась у него и долгое время впоследствии²⁾. Перевалившіе черезъ Апеннины и проникшіе въ долину Тибра обитатели долины По нашли въ этой странѣ туземное населеніе, которое у римскихъ историковъ называется Аборигенами. Къ какому племени принадлежали Аборигены, намъ неизвѣстно. Но и они, конечно, не были исконными обитателями этихъ мѣстъ, тѣмъ болѣе потомками пещерныхъ людей отдаленной эпохи, когда долина Тибра была еще подъ водою, а были, какъ и латиняне, пришлымъ племенемъ, только предварившимъ этихъ послѣднихъ. Они могли быть яллирійскаго племени, которое въ лицѣ япиговъ и мессаповъ занимало юго-восточный уголъ Италіи, а въ лицѣ венетовъ—сѣверо-восточный, и къ которому принадлежали, конечно, и древнѣйшіе обитатели Пиценской области³⁾; но скорѣе всего это могли быть лигуры, съ незапамятныхъ временъ обитавшіе въ сѣверо-западной и сѣверной части Италіи, простираясь далеко на западъ (до Роны и далѣе), гдѣ они сталкивались съ иберами, составлявшими основное населеніе Пиривейскаго полуострова и юго-западной Франціи, а на востокъ входя въ долину По, откуда они были вытѣснены окончательно лишь кельтами. Еще въ древности нѣкоторые ученые⁴⁾ аборигенами Лацума считали лигуровъ и въ концѣ концовъ это, дѣйствительно, одна изъ наиболѣе вѣроятныхъ комбинацій, съ какими приходится считаться въ данномъ случаѣ. Нибуръ,

¹⁾ Во главѣ ихъ стоятъ работы *Либурни*, печатающіяся теперь главнымъ образомъ въ его журналѣ: *Bullettino di paletnologia italiana*. Результаты болѣе раннихъ его трудовъ, равно какъ и его предшественника Кьеричи и другихъ археологовъ изложены въ книгѣ *Гельбига* „Die Italiker in der Poebene“ Leipzig., 1879.

²⁾ См. мою статью „Древнѣйшій періодъ Рима“ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, іюнь, 1895, стр.

³⁾ Плиній Старшій говоритъ (N. H., III, 12, 110) о жившихъ тутъ либурнахъ, переселенцахъ съ противоположнаго яллирійскаго берега. Археологическія данныя, заимствуемая изъ древнѣйшихъ могильниковъ, напримѣръ, недавно опубликованныя данныя изъ некрополя Новилары въ V томѣ *Monumenti Antichi* Академіи Линччезь, много подтверждаютъ предположеніе объ яллирійскомъ поселеніи въ Пиценѣ.

⁴⁾ См. Dion. Hal., I, 10; ср. Fest. *Sacrani*.

а вслѣдъ за нимъ и многіе другіе были увѣрены, что первоначальное населеніе Лаціума, какъ и всей Италіи составляли пелазги, но эту гипотезу мы должны совсѣмъ устранить изъ нашихъ соображеній. такъ какъ сказать *пелазги* значить не сказать ничего, по крайней мѣрѣ ничего опредѣленнаго. Пелазги, которыхъ древніе писатели заставляютъ блуждать по всѣмъ мѣстамъ, не представляются опредѣленнымъ народомъ, а какимъ-то собирательнымъ племенемъ, предлагаемымъ къ разнымъ народамъ до-исторической эпохи. Во всякомъ случаѣ, никакихъ италійскихъ пелазговъ исторія не знаетъ, не знаетъ потому, что никакой слѣдъ не наводитъ на ихъ существованіе. Эти аборигены (кто бы они ни были), которыхъ новымъ поселенцамъ пришлось покорить, и которые, лишенные поземельной собственности и образовавшіе собой классъ первоначальныхъ кліентовъ, въ нѣкоторомъ родѣ крѣпостныхъ, обязанныхъ работать на своихъ господъ, впоследствии слились съ ними въ одинъ народъ, не могли не оставить извѣстнаго слѣда въ крови, а отсюда и въ характерѣ своихъ побѣдителей. Опредѣлить эту долю физиологическаго и психическаго вліянія мы, разумѣется, не можемъ, — не можемъ уже потому, что намъ неизвѣстно, какая именно раса предшествовала въ долинѣ Тибра италійскому племени, получившему тамъ названіе латинцевъ. Можно утверждать только одно, что были ли это иллирійцы, что менѣе вѣроятно, были ли лигуры, что очень вѣроятно, латинская раса ничего не проиграла отъ смѣшенія съ ними, а скорѣе выиграла, такъ какъ и то и другое племя отличалось духомъ отваги, особенно сказавшимся въ смѣломъ мореплаваніи: иллирійскіе либуры были самыми отважными мореплавателями (по ихъ имени назывались особія быстроходныя суда) на Адриатическомъ морѣ, котораго не любили греки, лигуры — на Средиземномъ морѣ между Италіей и Испаніей, такъ что и самое это море къ югу отъ береговъ Галліи въ древнѣйшее время называлось Лигурійскимъ (Λιγυστικὸν πέλαγος у греческихъ географовъ, *Ligusticum mare* у Колумеллы и Плинія) — названіе, которое впоследствии осталось только для залива (*Ligusticus sinus*), нынѣшняго Генуэзскаго. Представителями иллирійскаго племени служатъ въ наше время албанцы, выдающееся по красотѣ, мужеству, національной гордости и любви къ независимости европейское племя. Представителями древнихъ лигуровъ являются по преимуществу генуэзцы, наиболѣе предприимчивый, богатый, свободолюбивый и оборотливый народъ Италіи. Смѣлые пираты въ глубокой древности, неукротимые въ продолженіе столѣтій противники Римлянъ въ приморскихъ Аль-

пахъ, лигуры отличались въ глазахъ римлянъ также лукавствомъ и обманомъ, какъ это было отмѣчено еще Виргиліемъ¹⁾,—черта, которая явно приписывается и генуэзцамъ Дантомъ, когда онъ въ концѣ 33 пѣсни своего „Ада“ съ негодованіемъ восклицаетъ о нихъ: „Perchè non siete voi del mondo spersi“ (Зачѣмъ вы не стерты съ лица земля?), и за которую они заклѣплены въ тосканской поговоркѣ, какъ *uomini senza fede e donne senza vergogna* (мужчины безъ вѣры и женщины безъ стыда). Подобныхъ отзывовъ, конечно, нельзя сдѣлать о римскомъ характерѣ. Но тотъ практическій духъ, который обнаружилъ римляне въ исторіи, политику положительнаго интереса, чуждую всякой мечтательности, сентиментальности и идеальныхъ стремленій, жестокость принесенія въ жертву выгодамъ своего государства независимости, богатствъ и національныхъ потребностей множества народовъ не получили ли римляне отчасти съ влившеюся въ жилы латинянъ кровью аборигеновъ Лаціума? Само собою разумѣется, что подобное предположеніе можно дѣлать только въ формѣ вопроса, отвѣчать на который, по недостатку прочныхъ данныхъ для рѣшенія его, не обязательно.

Латинское племя, которое, покоривъ аборигеновъ, заняло въ историческую эпоху Лаціумъ, есть только вѣтвь того обширнаго племени, которое принято называть *италійскимъ*, хотя на Апеннинскомъ полуостровѣ жили и раньше прибытія этого племени въ Италію и послѣ его прибытія разныя другія племена, каковы: лигуры, илирийцы разныхъ наименованій, этруски, греки и кельты (галлы). Оно названо италійскимъ потому, что составляло главную часть населенія Италіи и мало по малу переработало впослѣдствіи въ свою расу всѣ другіе элементы занятаго имъ полуострова. Кромѣ поселившихся въ западномъ центрѣ полуострова латинянъ, вѣтвь которыхъ составляли фалиски и къ которымъ также, по всей вѣроятности, принадлежали удалившіеся на югъ сикулы, къ нему принадлежали еще двѣ главныхъ отрасли: на сѣверо-востокѣ умбры, на востокѣ и югѣ многочисленные народы сабелльскаго племени. Латины, умбры и народы сабелльскаго племени составляли такую-же родственную семью между собою, какую составляли по отношенію другъ къ другу эллинскія племена—эолянъ, іонянъ и дорянъ, или какую составляютъ славянскія племена—русскихъ, поляковъ, чеховъ, словинцевъ, сербовъ и т. д., и говорили близкими другъ къ другу нарѣчійми; но близость эта, на

¹⁾ Aen., XI, 701 и 715.

сколько намъ позволяютъ судить ихъ письменные остатки, была такова, что нарѣчія умбровъ и сабелльскихъ народовъ были ближе одно къ другому, чѣмъ къ латинскому, какъ нарѣчія западныхъ славянъ ближе одно къ другому, чѣмъ къ русскому. Таковы новѣйшіе результаты филологической науки¹⁾, которыхъ нельзя оставлять и исторической наукѣ безъ вниманія. Изъ этихъ народовъ римляне съ древнѣйшихъ временъ вступили въ близкую, кровную связь съ своими сѣверо-восточными сосѣдями, сабинянами, отъ которыхъ, по преданію, были похищены и первыя жены для собранной Ромуломъ вольницы, и которые, безспорно, играли очень важную роль въ исторіи римскаго государства. Къ этому племени, отдѣльныя поселенія котораго доходили до самой колыбели будущей территоріи Рима, принадлежалъ, по преданію, второй римскій царь, Нума Помпилій, которому преданіе приписываетъ религиозное законодательство и организацію римскаго культа, сохранившуюся въ главныхъ чертахъ до позднѣйшихъ временъ римской исторіи; сабинянамъ принадлежала, по мнѣнію почти всѣхъ новыхъ историковъ, одна изъ трехъ трибъ, *Tities*, на которыя дѣлилось первоначальное римское населеніе; изъ сабинской земли, горы которой видны со всѣхъ холмовъ Рима, какъ на ладони, и въ послѣдующее время выходили въ Римъ роды, игравшіе первостепенную роль въ жизни великаго города, каковы Клавдіи, постоянно выставлявшіе изъ своей среды крупныхъ дѣятелей съ древнѣйшихъ временъ республики до первыхъ временъ имперіи; къ сабинскимъ родамъ принадлежали и такіе громкіе въ римской исторіи роды, какъ Фабин и Валеріи, имена которыхъ, какъ и имена Клавдіевъ, связаны съ важнѣйшими событіями римской исторіи.

Сабиняне, древнѣйшія поселенія которыхъ на Квириналѣ предшествуютъ основанію Ромуломъ города на Палатинѣ, были, прежде всего, народъ богобоязненный и благочестивый. Затѣмъ, какъ и всѣ горные жители, они вели у себя на родинѣ и въ своихъ многочисленныхъ колоніяхъ жизнь простую, умѣренную, нравственную. Въ нихъ странѣ не было настоящихъ городовъ, не было большихъ центровъ поселеній, гдѣ люди легче всего теряютъ строгость нравовъ и приучаются къ неумѣренному удовлетворенію потребностей. Они жили въ деревняхъ или поселкахъ строго семейною и родовою жизнью, съ патріархальнымъ общественнымъ устройствомъ, входя лишь въ федеративную связь съ другими общинами и избѣгая всякой централи-

¹⁾ См. *Planta, Grammatik der oskisch-Umbrischen Dialekte. Strassburg, 1898.*

заціи. Культура ихъ, чисто сельская, была очень проста, образъ мыслей консервативный. Вступивъ въ столкновение, а потомъ въ союзъ съ римлянами еще при самомъ основаніи римской городской общины и затѣмъ мало по малу слившись съ латинскимъ населеніемъ, сабинскіе роды внесли въ новое государство на берегахъ Тибра и ту строгую и, если угодно, мелочную религіозность, которою были потомъ проникнуты всѣ общественныя отправленія римской жизни, и тотъ упорно консервативный духъ, который не одного историка заставлялъ сравнивать ихъ съ спартанцами и былъ вѣроятно поводомъ къ лишенному всякой исторической основы древнему сказанію о происхожденіи сабинянъ изъ Лакедемона. Вліяніе этого сабинскаго духа, поддерживаемое сильными родами, постоянно сказывалось, въ качествѣ задерживающаго фактора, въ политическомъ и социальномъ движеніи Рима, увлекаемаго ходомъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ на путь преобразованій въ пользу расширенія гражданскихъ правъ и улучшенія экономическаго положенія всей массы свободнаго населенія. Если о вліяніи другихъ этнографическихъ элементовъ на образованіе духа и характера римскаго народа мы можемъ говорить болѣе или менѣе гадательно, то сабинское вліяніе есть фактъ ясный и положительный и притомъ до того существенный, что, вдумываясь въ него, нельзя себѣ представить, чтобы ходъ римской исторіи былъ, хотя бы только въ главныхъ чертахъ, тотъ-же самый, еслибы сабинскій элементъ съ его типическими духовными свойствами не вошелъ такими глубокими корнями въ римскую національность.

Значеніе, какое въ составѣ и духѣ римскаго населенія имѣли этруски, затибрскіе сосѣди латинянъ, не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ, какое имѣли сабиняне, но все-таки его никакъ нельзя уменьшать до тѣхъ границъ, до какихъ спускаетъ его Моммзенъ. Этруски или туски, давшіе названіе нынѣшней Тосканѣ, у грековъ—Тиррены, не были народъ, родственннй римлянамъ, какъ сабиняне. Они были совсѣмъ другого племени: какого именно, это составляетъ еще не разрѣшенную и до послѣдняго времени казавшуюся почти не разрѣшимою загадку, на которой однако стоить намъ нѣсколько остановиться. Въ богатыхъ некрополяхъ этого народа найдено множество остатковъ его жизни въ предметахъ домашняго употребленія и роскоши, много произведеній искусства, не менѣе 7.000 надписей и даже нѣсколько алфавитовъ. Всѣ эти памятники свидѣтельствуютъ, что этруски были народъ очень культурный, любили образованіе, стремились обставить свою жизнь пріятнымъ образомъ, имѣли обшир-

ныя сношенія съ другими народами, испытывали на себѣ большое вліяніе греческой образованности; но о происхожденіи народа эти памятники говорятъ всего менѣе. Семь тысячъ надписей, которые были бы въ состояніи разрѣшить въ этомъ отношеніи всякое недоумѣніе, въ данномъ случаѣ остаются для насъ почти совсѣмъ нѣмыми свидѣтелями. До сихъ поръ этихъ надписей читать, то-есть, понимать никто не умѣетъ, хотя исписаны новѣйшими учеными цѣлые томы, въ которыхъ они старались открыть ключъ къ этрусскому языку и проникнуть въ смыслъ написаннаго. Давно уже открыты тайны письма гіероглифовъ египетскихъ пирамидъ и затѣмъ клинообразныхъ надписей глиняныхъ цилиндровъ Ассиріи и Вавилона, но языкъ этрускаго письма, алфавитъ котораго состоитъ изъ греческихъ буквъ, остается неизвѣстнымъ. Дальше собственныхъ именъ мужскихъ и женскихъ, именъ италійскихъ божествъ, въ родѣ Минервы, Нептуна, Сильвана, да нѣсколькихъ условныхъ формулъ, означающихъ отношенія родства или зависимости, искусство пониманія этрусскихъ надписей не пошло. Къ какой семьѣ языковъ принадлежитъ языкъ этого загадочнаго народа и, слѣдовательно, къ какому племени, по крайней мѣрѣ по языку, принадлежитъ самый народъ, объ этомъ мы также мало можемъ сказать теперь, какъ это было сто слишкомъ лѣтъ назадъ, когда аббатъ Луиджи Ланци издалъ въ трехъ томахъ свою знаменитую книгу: „Saggio di lingua etrusca“ (Рима, 1789). Къ довершенію нашихъ затрудненій прибавляется еще то, что происхожденіе этрусковъ было предметомъ спора и въ самой древности. Древнѣйшее преданіе отмѣченное еще Геродотомъ (I, 28), выводитъ ихъ изъ Малой Азіи, изъ Лидіи. Этого преданія держались, по видимому, какъ въ Римѣ, такъ и на родинѣ самихъ этрусковъ, которые во всякомъ случаѣ, не считали себя туземцами въ Италіи. Философъ Сенека ¹⁾, прямо говоритъ, что „Тусковъ ²⁾ присвоиваетъ себѣ Азія“ (то-есть, Малая Азія). Тацитъ ³⁾ сообщаетъ о томъ, что жители Сарды, древней столицы Лидіи, оспаривая у одиннадцати малоазійскихъ городовъ право на честь построить у себя храмъ Тиберію, думали придать особую силу своему ходатайству заявленіемъ о своемъ родствѣ съ этрусками. Но съ другой стороны Діонисій Галикарнасскій, писавшій о римскихъ древно-

¹⁾ Consol. ad Helviam, 6.

²⁾ Обычное названіе этрусковъ въ Римѣ Tusci им. Etrusci.

³⁾ Ann. IV, 55.

ствяхъ въ вѣкъ Августа, утверждалъ (I, 29), что этруски скорѣе туземцы въ Италіи, приводя мало, впрочемъ, говорящее въ его пользу доказательство, что они народъ очень древній, и что они не имѣютъ общаго ни въ языкѣ, ни въ образѣ жизни, ни съ какимъ другимъ народомъ. Было еще мнѣніе, принадлежащее, современному Геродоту, греческому историку Гелланику и оспариваемое тѣмъ же Діонисіемъ, будто этруски не что иное, какъ пелазги, которыхъ, какъ мы уже замѣчали, древніе находили всюду— въ Малой Азій, на островахъ Эгейскаго моря, въ Греціи, въ Италіи, но о которыхъ мы никакъ не можемъ составить себѣ конкретнаго понятія. Новые ученые, въ виду отсутствія твердыхъ историческихъ и филологическихъ основаній, высказывали самыя разнообразныя мнѣнія о происхожденіи этрусковъ, и нѣтъ такого народа, съ которымъ бы ихъ не роднили. Но въ сущности, и здѣсь, какъ и въ древности, стоятъ лицомъ къ лицу два главныхъ лагеря: одни стоятъ за Геродотовское преданіе о происхожденіи этрусковъ изъ Малой Азій, другіе считаютъ ихъ европейскимъ народомъ и выводятъ ихъ въ Италію съ сѣвера, изъ Ретійскихъ Альпъ (Тироль и Граубюнденскій кантонъ Швейцаріи), гдѣ дѣйствительно было найдено не мало памятниковъ съ этрусскими надписями. Это послѣднее мнѣніе высказалъ Нибуръ, за которымъ въ той или другой степени послѣдовали Отфридъ Мюллеръ и Швеглеръ, съ нимъ-же, хотя менѣе опредѣленно, выступилъ и Моммзенъ въ своей Римской исторіи, въ которой безспорно много ума и остроумія, но не мало также и слишкомъ своеобразныхъ, не удобопріемлемыхъ мнѣній и выводовъ. Вслѣдъ за этими крупнѣйшими историками пошли и многіе другіе ученые Германіи и, между прочимъ, извѣстный археологъ бывшій секретарь германскаго археологическаго института въ Римѣ, Гельбигъ, оживившій совершенно неизвѣстную древнимъ ретійскую теорію новыми данными и соображеніями. Французскіе ученые, напротивъ, большею частью стоятъ за Геродотовское преданіе о малоазійскомъ происхожденіи этрусковъ (Нозльде-Верже, Шаба, де-Ружэ); за него-же стоятъ и англичане Деннисъ и Эллисъ. Что касается итальянскихъ ученых-историковъ и филологовъ, то у нихъ встрѣчается не мало наклонности не отдѣлять этрусковъ отъ другихъ италійскихъ народностей (Микали, Уччелли, Эліа Латтэсъ), хотя между ними есть много защитниковъ и малоазійскаго происхожденія этого народа (Конестабиле, Ваннуччи, Гоццадини, Фабретти, Скьянарелли, Милани, особенно Бриціо). Въ настоящее время вопросъ объ этрускахъ стоитъ такъ, что нибуров-

ская теорія ретійскаго ихъ происхожденія все болѣе и болѣе отходитъ на задній планъ какъ на основаніи археологическихъ, такъ и на основаніи лингвистическихъ данныхъ. Главною осью, около которой вертится археологическій споръ, является вопросъ о способѣ погребенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что собственно италійскимъ народамъ искони принадлежалъ существенно европейскій обрядъ сожженія труповъ, на что ясно указываютъ и остатки могилъ терремаръ долины По, и древнѣйшіе могилы Эмилии, Умбрии, Этрурии и даже Лаціума. Этрускамъ же былъ кореннымъ образомъ свойственъ обрядъ ингумации (погребенія) труповъ, обрядъ азіатскихъ народовъ, рано перешедшій впрочемъ и къ европейскимъ, особенно въ Грецію. Этотъ тезисъ въ послѣднее время съ большимъ успѣхомъ защищалъ болонскій профессоръ Бриціо противъ Гельбига, старавшагося доказать, что тотъ и другой обрядъ были одинаково свойственны всѣмъ народамъ. Къ теоріи Бриціо присоединился крупный нѣмецкій археологъ римской школы фонъ-Дунъ, и европейское происхожденіе этрусковъ стало находить въ послѣднее время все меньше и меньше защитниковъ. Сильный ударъ былъ ему нанесенъ особенно тѣмъ, что въ 1885 году были найдены на о. Лемносъ молодыми французскими археологами Кузеномъ и Дюррбакомъ двѣ этрусскихъ надписи, которыя, подтверждая несомнѣннымъ образомъ пребываніе этрусковъ на этомъ островѣ Эгейскаго моря, обитавшемся до конца VI столѣтія до Р. Хр., и по указаніямъ древнихъ ¹⁾, тирренами-пелазгами, свидѣтельствуютъ, что родина этрусковъ была на Востокѣ, а не въ Альпахъ, куда простиралось впоследствии ихъ вліяніе. Съ другой стороны филологи и лингвисты, даже склонные видѣть въ этрусскомъ языкѣ италійскую стихію, принуждены сознаться, что рядомъ съ этой стихіей (которая видимо является результатомъ вліянія покореннаго этрусками италійскаго населенія) есть другая, совершенно неизвѣстная. Такъ теперь разсуждаетъ и Декке, одинъ изъ наиболѣе видныхъ специалистовъ по изученію этрусскихъ надписей, перешедшій было совсѣмъ на сторону общности этрусскаго языка съ другими италійскими нарѣччiami, противъ чего всегда непоколебимо стоялъ его ученикъ, въ настоящее время первостепенный авторитетъ въ этрускологіи, К. Паули. Теперь многіе ждуть разгадки происхожденія этрусскаго народа отъ открытой въ 1891 и обнародованной въ 1892 году хорватскимъ ученымъ профессоромъ Кралемъ длинной этрусской надписи на голов-

¹⁾ Thucid. IV, 109; Strab. V, 2, 4, p. 184 ed. Didot.

ныхъ повязкахъ египетской муміи, находящейся въ Загребскомъ музеѣ; но до сихъ поръ всѣ попытки разбора этой надписи, какъ и раньше извѣстныхъ, остаются напрасными. Итакъ, этрусская загадка все еще остается неразгаданною.

Какъ бы то ни было, судьбы римскаго народа были тѣсно связаны съ сосѣдствомъ этрусковъ, могущество которыхъ, простиравшееся одно время на большую часть Италіи, чтобъ не сказать, какъ Сервій, „почти на всю“, совпадаетъ именно съ періодомъ возникновенія новой латинской общины на берегахъ Тибра. Римскія преданія относятъ начало связи этрусковъ съ римлянами еще ко временамъ Ромула, когда будто бы одинъ изъ вождей этого народа Целесъ Вибенна явился на помощь Ромулу противъ сабинскаго царя Татія. Но это преданіе, хотя его воспроизводитъ и ученѣйшій изъ римлянъ, Варронъ, очень шатко, такъ какъ того же Целеса Вибенну относятъ и ко времени Тарквинія Древняго. Оно показываетъ только, какъ рано по сознанію римлянъ классическаго времени начались связи ихъ народа съ этрусками. тѣмъ болѣе, что имени этого этрускаго вождя приписывается названіе одного изъ семи римскихъ холмовъ. Целія, на которомъ въ раннюю пору поселились этрусскіе роды. Гораздо болѣе важнымъ фактомъ въ судьбахъ Рима является то, что три его послѣднихъ царя являются лицами, образовавшими въ Римѣ этрусскую династію. Это какъ бы говоритъ о томъ, что, полтора столѣтія спустя послѣ своего основанія, Римъ былъ подчиненъ не только этрусскому вліянію, но и господству. Эти сто лѣтъ, на которыя по традиціонной исторіи, приходится время правленія двухъ Тарквиніевъ, раздѣленное временемъ правленія Сервія Туллія (который, по словамъ дошедшей до насъ въ отрывкахъ и переданной въ перифразѣ Тацитомъ ¹⁾ рѣчи императора Клавдія считался въ этрусскомъ преданіи за одно съ товарищемъ Целеса Вибенны, Мастерной) имѣли въ исторіи Рима огромное значеніе. Въ теченіе ихъ римляне — чего не было, по крайней мѣрѣ въ такой степени, съ другими латинскими общинами—были непосредственно подвергнуты дѣйствию этрусской культуры, которая сама въ это время находилась подъ сильнымъ вліяніемъ греческой торговли, промышленности и искусства. Эти грандіозныя сооруженія, каковы слоаса тахита, дѣйствующая болѣе двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ, какъ главная водосточная труба въ Римѣ, далѣе, большая стѣна, охватившая Римъ почти со всѣхъ

¹⁾ Ann. XV, 24.

концовъ и усиленная валомъ въ мѣстахъ, гдѣ, какъ именно на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, городъ былъ болѣе открытъ для непріятеля, и, наконецъ, храмъ Юпитера Капитолійскаго, бывший съ самаго начала, какъ и во все послѣдующее время, главнымъ по значенію и великолѣбію храмомъ Рима и построенный при участіи не только этрусскихъ, но и греческихъ мастеровъ, эти капитальныя сооруженія уже сами по себѣ показываютъ, что Римъ, благодаря этрусской династіи, сдѣлался уже въ царскій періодъ большимъ городомъ, въ которомъ въ теченіе цѣлаго столѣтія кипѣла строительная и художественная дѣятельность. Эта послѣдняя требовала присутствія, въ Римѣ иностранныхъ мастеровъ, именно греческихъ, которые находили большое примѣненіе своихъ способностей въ богатыхъ городахъ Этруріи и появленіемъ своимъ въ Римѣ содѣйствовали ознакомленію населенія какъ съ усовершенствованными приемами постройки, въ которой римляне стали потомъ сами такими высокими мастерами, такъ и съ греческимъ ваятельнымъ искусствомъ. Греческимъ мастеромъ этой эпохи безспорно принадлежитъ сохранившаяся до сихъ поръ бронзовая волчица съ сосущими ее младенцами, Ромуломъ и Ремомъ, замѣчательный памятникъ греческаго искусства VI столѣтія до Р. Хр., какъ это теперь окончательно разъяснено тонкими археологическими изслѣдованіями Оливье Райэ и Петерсена. Когда, по низверженіи Тарквинія Гордаго и по удаленіи защищавшаго его Порсены, этрусское политическое владычество или преобладаніе было совсѣмъ устранено изъ Рима, то въ этомъ городѣ оставался еще такой контингентъ выходцевъ изъ Этруріи, что, независимо отъ древнѣйшаго поселенія ихъ на Целіѣ, они многочисленностью своихъ жилищъ дали названіе цѣлому кварталу между Капитоліемъ и Палаatinомъ, *Этрусскому*, vicus Tuscus. Несомнѣнно, что этрусское вліяніе въ Римѣ было не только вліяніе внѣшней культуры, сводящееся къ заимствованію 12 ликторовъ для царей (и затѣмъ для консуловъ), курульнаго кресла, окаймленной пурпуромъ и расшитой золотомъ тоги, туники съ пальмовыми вышивками, золотой діадемы и тому подобныхъ знаковъ царской и правительственной власти, къ ознакомленію римлянъ путемъ торговли съ предметами роскоши и къ украшенію города дорогими постройками, равно какъ къ его укрѣпленію и оздоровленію, но и вліяніе внутреннее, соединенное съ реформой государственнаго быта и съ введеніемъ новыхъ обрядовъ въ религію. Законодательство Сервія Туллія, раздѣлившаго все римское населеніе на классы и центуріи, если бы даже оно преслѣдовало

лишь цѣли военной организаціи, все-таки остается очень крупнымъ фактомъ римской исторіи, фактомъ, которымъ въ первый разъ виѣсто родового и сословнаго принципа, такъ рѣзко отдѣлявшаго патриціевъ и плебеевъ, введенъ былъ въ гражданское устройство Рима принципъ государственный, по которому всѣ граждане участвуютъ въ общегосударственномъ дѣлѣ въ мѣру ихъ имущества. Введеніе въ организацію религіознаго культа Рима особой коллегіи гаруспиковъ, гадателей по внутренностямъ животныхъ, толкователей знаменій, совершителей очищеній по поводу молній и знатоковъ погребать молніи, которые всегда оставались въ Римѣ людьми этрусскаго происхожденія, знавшими всѣ тонкости правилъ своей строгой дисциплины. имѣло не малое значеніе въ образованіи римскаго культа, значительно усиливъ его формалистическій характеръ, которымъ онъ и безъ того отличался. Если мы прибавимъ къ этому, что этрусски-же служили для римлянъ съ древнѣйшихъ временъ увеселителями на общественныхъ зрѣлищахъ, бились на кулачкахъ и были наѣздниками въ циркѣ, давали сценическія представленія религіознаго характера, а впоследствии ввели въ употребленіе и такъ любимые римлянами гладіаторскіе бои, то мы къ политическому, религіозному, промышленному и художественному вліянію этого этнографическаго элемента въ Римѣ прибавимъ новое—бытовое, которое вторгалось въ общественную римскую жизнь, быть можетъ, еще болѣе близкимъ образомъ, чѣмъ другія вліянія, и потому также не можетъ быть оставлено безъ вниманія. Изъ всего этого выходитъ, что если не было этнографическаго элемента, который бы такъ близко былъ связанъ съ латинскимъ и имѣлъ на образованіе римскаго характера такое вліяніе, какъ сабиняне, то не подлежитъ сомнѣнію, что ближайшій къ этому элементу по вліянію былъ этрусскій, который въ первыя столѣтія города, когда греческое вліяніе непосредственно проникало въ Римъ еще очень слабо, былъ среди латинянъ вообще и среди римлянъ въ особенности агентомъ высшей культуры, дѣйствовавшимъ на религіозную практику, политико-соціальныя воззрѣнія и устройство, на пробужденіе вкуса къ изящному и болѣе сложныхъ потребностей въ домашней обстановкѣ, на общественную жизнь и т. п. Слѣды этого культурнаго вліянія, доказывающіе близость и непосредственность снхшеній этрусковъ съ римлянами царскаго періода, какъ въ литературныхъ преданіяхъ, такъ и въ вещественныхъ памятникахъ, доставляемыхъ намъ главнымъ образомъ римскими могилами древнѣйшаго времени, мы находимъ въ такомъ

изобилии, что говорить о слабости этрусского вліянія на Римъ въ періодъ его начальной государственной формации, или даже почти совсѣмъ отрицать его, какъ это дѣлаетъ Момизенъ, неумѣстно. Нѣтъ надобности утверждать, что Римъ былъ этрусскій городъ, какъ это утверждаетъ нѣмецкій историкъ Куно ¹⁾, равно какъ и приписывать этрускамъ многое такое, что было вѣроятнѣе обще-италійскимъ достояніемъ (календарь, раздѣленіе населенія на трибы, устройство дома съ атриемъ, даже, пожалуй, церемоніи при основаніи городовъ, раздѣлъ полей и многое другое), чтобы на исторіи римскаго развитія видѣть, какъ Римъ былъ тѣсно связанъ съ Этруріей и какъ много значилъ этрусскій элементъ въ формации города Рима и римскаго характера.

Но главный элементъ римской національности, по отношенію къ которому всѣ другіе составляли только примѣсь, были латинище. Они построили квадратный Римъ на Палатинѣ; они были тотъ могучій центръ, который притягивалъ къ себѣ элементы другихъ народностей, претворяя ихъ въ римскихъ гражданъ. Еще далеко до возникновенія Рима, латинское племя жило благоустроенными гражданскими общинами и умѣло организовать въ союзъ латинскихъ городовъ съ общимъ храмомъ Юпитера на самой вершинѣ Албапскихъ горъ, имѣя своимъ предводителемъ Альбу Лонгу, ихъ общую метрополию. Въ числѣ тридцати, по преданію, городовъ, входившихъ въ этотъ союзъ, были такіе, которые, какъ Габии и Пренесте, могли называться, относительно богатыми и могущественными. Основатели Рима, выводя новую латинскую колонію на берегахъ Тибра, знали, какъ строятся города и какъ управляются. Именно у нихъ, у латинянъ, былъ истинный политическій организационный, какого не было ни у сабинянъ, народа съ чисто патріархальными сельскими вкусами и привычками, ни у какого бы то ни было другого народа Италіи, не исключая этрусковъ и грековъ. Всего яснѣе политическій смыслъ латинскаго племени видѣнъ на римскихъ плебейхъ съ ихъ постояннымъ стремленіемъ къ лучшей организационной государственной быта, съ ихъ стойкостью въ своихъ стремленіяхъ, съ ихъ умѣньемъ вести дѣло при помощи искусныхъ и энергическихъ вождей, съ ихъ чувствомъ солидарности интересовъ всѣхъ членовъ своего сословія, съ ихъ созна-

¹⁾ *Vorgeschichte Roms*, I, p. 14. Замѣчательно, что мнѣніе объ этрусскомъ происхожденіи Рима было распространено и въ древности, какъ объ этомъ за-вѣдываетъ Діонисій Галликарнаскій (I, 29).

ніемъ важности законныхъ путей къ достиженію цѣли, съ ихъ патриотизмомъ и самоотверженіемъ, когда того требовали интересы независимости и чести отечества. Если у сабинянъ преобладало начало религиозное, то у латинянъ политическое. Если первые съ своей богобоязненностью и крѣпкимъ родовымъ аристократическимъ устройствомъ естественно представляли собой элементъ консервативный, то вторые съ своими наклонностями къ политической организаціи и съ предпочтеніемъ государственной идеи родовымъ и сословнымъ интересамъ, съ практическимъ смысломъ во всѣхъ дѣлахъ, не исключая и религиозныхъ, являются элементомъ подвижнымъ, настойчивымъ въ достиженіи цѣли, и главнымъ двигателемъ поступательнаго движенія въ римской исторіи. Сочетаніе такихъ элементовъ, какъ латинскій и сабинскій, которые не безъ основанія сравниваютъ съ іонійскимъ и дорійскимъ элементами эллинскаго племени, должно было дать въ результатъ, безспорно, сильную историческую народность, которая, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, должна была создать могущественную политическую общину. Однимъ изъ такихъ благоприятныхъ обстоятельствъ для Рима было раннее присовокупленіе къ образовавшемуся на латинскомъ Палатинѣ и на сабинскомъ Квирипалѣ съ общимъ для обѣихъ народностей Капитоліемъ городу новаго, чуждаго обомъ племенамъ, элемента, этрусскаго, который, будучи слабѣе числомъ, но сильнѣе культурой и обладая развитымъ политическимъ міросозерцаніемъ, далъ важный толчекъ государственному развитію устроившейся на религиозно-родовомъ началѣ сабино-латинской общины. Толчекъ этотъ болѣе всего состоялъ, какъ мы уже говорили, въ введеніи въ гражданское устройство Рима новаго, возникшаго на греческой почвѣ, принципа имущественнаго ценза, на основаніи котораго какъ патриціи, такъ и плебеи стали составлять одно гражданское общество, раздѣленное на классы и центурии, гдѣ права и обязанности опредѣлялись не происхожденіемъ, не сословіемъ, а имуществомъ каждаго. Хотя такое дѣленіе первоначально имѣло въ виду, какъ кажется, лишь военную организацію населенія, но оно стало основнымъ фактомъ римскаго государственнаго устройства на многія столѣтія. Этою реформой, которая нанесла первый ударъ сословному началу и органически вводила въ составъ римской общины многочисленный плебейскій элементъ, составившійся изъ переселенныхъ въ Римъ латинянъ побѣжденныхъ городовъ, новая община была обязана именно царямъ этрусской династіи, — основателя которой преданіе дѣлаетъ выходцемъ въ Этрурію изъ Коринва, — несомнѣнно искавшей

для себя опоры въ плебейскомъ населеніи. Но это былъ толчекъ, безъ котораго сабино-латинская или латинно-сабинская колонія на берегахъ Тибра навѣрное не получила бы своего быстрого и безпримѣрно блестящаго государственнаго развитія.

Да, милостивые государи, развитіе Рима было не только быстро и блестяще, но и, дѣйствительно, безпримѣрно въ исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, городъ, едва зародившійся изъ пастушескихъ хижинъ въ половинѣ VIII столѣтія до Р. Хр., былъ въ половинѣ VI (при Сервіѣ Туллиѣ) уже главнымъ членомъ латинскаго союза, и памятникомъ этого главенства былъ построенъ на общія деньги латинскихъ городовъ храмъ Діаны на Авентинѣ, одною изъ мѣстъ поселенія переселенныхъ въ Римъ изъ покоренныхъ городовъ латинцевъ. Раньше, чѣмъ въ половинѣ III, то-есть, меньше, чѣмъ черезъ 500 лѣтъ отъ своего основанія, Римъ былъ уже главою всей Италіи. Къ половинѣ II, то-есть, черезъ 600 лѣтъ по основаніи, онъ былъ уже полнымъ хозяиномъ на островахъ Средиземнаго моря, въ Малой Азійи и Сѣверной Африкѣ, сталъ твердою ногою въ Испаніи, стеръ съ лица земли Картагенъ и заставилъ грековъ забыть о своихъ вольностяхъ разрушеніемъ Коринѳа и обращеніемъ Ахаіи, вмѣстѣ съ Македоніей въ римскую провинцію. Можно сказать, что черезъ 600 лѣтъ послѣ заселенія Палатина латинскими выходцами весь историческій того времени міръ уже лежалъ покоренный у ногъ Рима, такъ что и тогда уже нужно было бы бѣжать въ Закаспійскія степи, въ Аравійскую пустыню, къ скивамъ и сарматамъ или по крайней мѣрѣ за Альпы, за Рейнъ и Дунай, чтобъ не чувствовать на себѣ тяжелой или властной руки римскаго владычества. Еще за полвѣка до разрушенія Картагена и Коринѳа Аннибалъ нигдѣ не могъ найти убѣжища отъ мести римлянъ. Напрасно онъ бѣжалъ въ Сирію, напрасно онъ бѣжалъ въ Виеннію: и тамъ ему оставалось только покончить жизнь самоубійствомъ, чтобъ не попасться живымъ въ римскія руки. Дѣло покоренія еще варварской Европы къ сѣверу отъ Альпъ и Балканъ было предоставлено позднѣйшему времени и продолжалось въ имперіи, которая приняла на себя грандіозную задачу ассимиляціи варварскаго міра съ греко-римскимъ, но покончила свое существованіе на Западѣ, не успѣвъ довести эту задачу до конца, какъ оказавшюся ей не по плечу, да и вообще недостижимую въ своей цѣлости.

Исно, что народъ, которому выпало на долю играть такую колоссальную роль въ исторіи, былъ народъ особенный, представлявшій собой какую-то избранную расу въ родѣ человѣческомъ. Если же взять во вниманіе, что народъ этотъ въ началѣ своего историческаго бытія былъ лишь небольшою латинскою колоніей на Палатинѣ, соединившеюся съ сабинскою колоніей на Квириналѣ, и, окруженный почти у самыхъ воротъ своихъ болѣе могущественными сосѣдями, принужденъ былъ съ первыхъ дней своего существованія вести борьбу за право этого существованія, то становится просто изумительнымъ, какъ онъ могъ дойти до положенія главнаго города на земномъ шарѣ, до всемірнаго владычества. Для этого должны были быть особенныя причины и условія.

И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ это безпримѣрное въ исторіи государственное развитіе было обусловлено? Какъ оно стало возможнымъ? Чтѣ ему содѣйствовало?

Вопросы подобнаго рода занимали политическіе умы еще въ древности, продолжали занимать ихъ и въ новое время. Еще выдающійся греческій историкъ и политическій дѣятель ахейскаго союза Поливій, жившій при началѣ достиженія римлянами всемірнаго господства и имѣвшій возможность превосходно ознакомиться съ ихъ исторіей, политическимъ устройствомъ и общественнымъ бытомъ (онъ прожилъ въ Римѣ 17 лѣтъ въ качествѣ заложника), Поливій, современникъ разрушенія Карфагена и Коринѳа, старается дать на эти вопросы посильный отвѣтъ своимъ изумленнымъ соотечественникамъ, которымъ волей-неволей пришлось признать надъ собой римское владычество. Онъ знакомитъ ихъ съ исторіей, правами, характеромъ и государственными учрежденіями римлянъ, выставляетъ на видъ нравственное превосходство этихъ послѣднихъ предъ другими народами, не только предъ карфагенянами, но и предъ греками, и указываетъ, какъ на особо важный фактъ, на существованіе у этого народа такой формы правленія, которая, состоя изъ гармоническаго сочетанія и равновѣсія власти монархической, аристократической и демократической, представляется ему наиболѣе совершенною, каковою раньше такая форма представлялась уже многимъ греческимъ мыслителямъ, особенно стоякамъ. Таково было сужденіе грека, видѣвшаго своими глазами высшій расцвѣтъ внутренней и виѣшней силы римскаго государства. Полтора вѣка спустя, Титъ Ливій, Карамзинъ римской историографической литературы, обозрѣвая исторію своего народа въ тотъ ея важный моментъ, когда римское государство, достигнувъ точки зе-

нита въ своемъ развитіи, достигнувъ высшаго блеска не только въ политическомъ, но и въ литературномъ и художественномъ отношеніяхъ, какого только ему суждено было достигнуть, стояло уже на поворотѣ къ нисходящему шествію, Титъ Ливій, говоря я, даетъ себѣ задачу показать какими нравами, какими людьми и какими средствами, мирными и военными, римскій народъ приобрѣлъ свое страшное могущество, до того страшное, что его государство начинаетъ страдать уже отъ своей чрезмѣрности, *ut jam magnitudine laboret sua*. Какъ Поливій видитъ главный рычагъ немовѣрно блестящаго поступательнаго хода Рима въ учрежденіяхъ¹⁾, такъ Ливій видитъ его прежде всего въ правахъ и характерахъ. Но, милостивые государи, задача, которая теперь стоитъ передъ нами, во всей цѣлости и ясности могла подлежать гораздо больше рѣшенію новыхъ историковъ и политическихъ мыслителей — уже по тому одному, что для нихъ римская исторія есть дѣло законченное, и они могутъ разбирать ее съ такою же свободою и съ такимъ же спокойствіемъ, съ какими профессоръ анатоміи обращается съ человѣческимъ скелетомъ, объясняя слушателямъ устройство механизма человѣческаго тѣла и цѣлесообразность отдѣльныхъ его частей и органовъ. Передавать здѣсь, какъ и кто объяснялъ причины быстрого роста и грандіознаго государственнаго величія древняго Рима, въ краткой бесѣдѣ нѣтъ надобности. Но никакъ нельзя обойти классическаго труда Монтескьё „*Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*“ (Paris, 1734), труда, который такъ любилъ въ Западной Европѣ и у насъ читать и перечитывать ради политическаго образованія въ прошломъ столѣтіи, и который до сихъ поръ остается образцовымъ и незамѣнимымъ произведеніемъ. Все, что могли дать сообщенія древнихъ писателей объ исторіи Рима, великимъ французскимъ политическимъ философомъ изучено ближайшимъ образомъ, и все, что могли дать для заключенія факты традиціонной римской исторіи, высказано имъ съ удивительнымъ знаніемъ, пониманіемъ и ясностью. Но само собою разумѣется, что, такъ какъ въ разработкѣ фактической стороны римской исторіи произошли со времени Монтескьё большія перемѣны, то естественно, что французскій политическій мыслитель о нѣкоторыхъ предметахъ судить такъ, какъ мы

¹⁾ По мнѣнію Поливія, вообще главною причиною успѣха или неудачи въ дѣлахъ государственныхъ слѣдуетъ считать государственное устройство (изъ VI кн.).

теперь судить не можемъ. Такъ, онъ, какъ и раньше его Макиавелли, относится къ исторіи римскихъ царей, какъ къ совершенно положительной исторіи, и потому въ числѣ римскихъ успѣховъ начальнаго періода указываетъ на то, будто цари римскіе были всѣ „великими личностями“, прибавляя, что никакая исторія не представляетъ „непрерывнаго ряда такихъ государственныхъ людей и такихъ полководцевъ“. Историческая критика нашего времени не позволяетъ намъ говорить столь положительнымъ языкомъ о лицахъ, фигуры которыхъ окутаны въ большинствѣ случаевъ легендарнымъ туманомъ, хотя сквозь него и довольно явственно прорываются дѣйствительные факты культурной и политической исторіи этого времени. Не правъ Монтескьё и тогда, когда онъ называетъ Римъ этого времени городомъ безъ торговли. Археологическія данныя, которыми открытъ для насъ теперь очень важный источникъ для знакомства съ древнѣйшею римскою исторіей, ясно указываютъ на участіе древнѣйшаго Рима не только въ торговлѣ съ этрусками, но и съ южно-италійскими греками, о непосредственности раннихъ сношеній съ которыми громко говорить и тотъ фактъ, что римляне заимствовали свой алфавитъ отъ грековъ южной Италиі (изъ Кумъ), а не отъ этрусковъ, какъ это должно было бы случиться, если бы они были отрѣзаны отъ непосредственныхъ сношеній съ халкидскими колоніями южной Италиі. У Монтескьё это мнимое отсутствіе торговли древнѣйшаго Рима стояло въ связи съ его представленіемъ о томъ, что воинственность, обнаруженная римлянами съ самаго начала ихъ исторіи, вызывалась будто бы необходимостью заниматься грабежемъ, какъ единственнымъ средствомъ къ обогащенію. Заключенный римлянами еще въ первый годъ республики торговый договоръ съ кароагенянами, договоръ, съ текстомъ котораго мы дословно знакомимся у Поливія (III, 22), ясно указываетъ на то, что римская торговля въ царскій періодъ достигла даже значительнаго международнаго значенія. Если дѣйствительно желаніе добычи было нерѣдко побудительной причинойъ нападеній на сосѣдей у римлянъ, какъ и у другихъ народовъ Лаціума, то главная пружина воинственности римлянъ лежала глубже и заключалась въ томъ, что война для римлянъ была прежде всего борьбою за существованіе и затѣмъ борьбою за преобладаніе. Несомнѣнно однако, что воинственный духъ римскаго народа есть одинъ изъ важныхъ факторовъ достигнутаго этимъ народомъ могущества, хотя далеко не единственный. Воинственныхъ народовъ всегда было много на свѣтѣ, особенно въ пору ихъ юности, было ихъ не мало и

между римскими сосѣдями (сабиняне, эквы, вольски, фалиски — можно ли быть ихъ воинственнѣе?); но эти сосѣди до значенія Рима не дошли, не дошли даже до прочнаго политическаго существованія.

Было бы странно, однако, если бы мы ограничились только возраженіями на знаменитый историко-политическій трактатъ одного изъ величайшихъ умовъ Франціи. Соображенія Монтеस्कѣ, вѣрныя или невѣрныя, должны быть здѣсь переданы въ краткихъ словахъ одно за другимъ, прежде чѣмъ мы выскажемъ на данную тему наши собственные соображенія. Какія же причины, по мнѣнію этого глубокаго политическаго мыслителя, знаменитаго автора „Духа законовъ“, содѣйствовали римскому величію?

Вотъ какія: Цари въ Римѣ всѣ до одного представляли собой крупныхъ политическихъ людей и хорошихъ полководцевъ. Воинственный духъ, который проявился при царяхъ, получилъ еще большее развитіе по низверженіи ихъ, такъ какъ замѣнившіе ихъ консулы, смѣняясь ежегодно, постоянно, изъ честолюбивыхъ соображеній, подстрекали сенатъ къ воинственной политикѣ. Война служила обогащеніемъ не только для тѣхъ, которые участвовали въ ней, но и для тѣхъ, которые оставались въ городѣ, такъ какъ отнятая у непріятеля земля частію продавалась, частію отдавалась бѣднымъ гражданамъ въ аренду. Въ войнѣ римляне съ своимъ легиономъ, съ своимъ тяжелымъ, но преимуществу, вооруженіемъ, съ своей военной дисциплиной, которая поддерживалась усиленными упражненіями передъ сраженіемъ, имѣли большею частію преимущество надъ непріятелями; если же находили у него военныя средства лучше своихъ, то старались приобрести и усвоить себѣ такія же средства или такъ приспособить къ отраженію ихъ свои, чтобы преимущества непріятеля, на сколько возможно, были парализованы. Много значило то, что, будучи всѣ надѣлены землей, римляне, борясь съ непріятелемъ, защищали каждый собственное достояніе. Иное бываетъ дѣло, когда въ народѣ, какъ потомъ стало и съ римлянами, мелкіе собственники исчезаютъ и образуется съ одной стороны классъ людей богатыхъ, съ другой бѣдныхъ: тутъ уже нѣтъ для массы интереса защищать свои очаги, и потому у нея нѣтъ ни такого мужества, ни такой стойкости. Обращаясь къ народамъ, съ которыми Риму приходилось выдерживать наиболѣе опасныя столкновенія, Монтеस्कѣ разсуждаетъ такъ: галлы не могли побѣдить римлянъ потому, что римское оружіе было лучше (у галловъ былъ щитъ малъ, мечъ плохъ), да къ тому же, галльскія племена никогда не могли соединиться противъ римлянъ, и потому были разбиваемы одно за

другимъ. Пирръ, другой страшный противникъ, явился въ Италію въ такое время, когда римляне уже были сильны. Тарентъ, сильный и богатый греческій городъ, въ это время уже потерялъ доблесть своихъ предковъ—спартанцевъ. Кароагенъ, могущественнѣйшій изъ противниковъ римскаго могущества, былъ богаче Рима, но тамъ все было продажно и дезорганизовано: въ Римѣ война соединяла интересы, въ Кароагенѣ раздѣляла еще больше; въ Римѣ, гдѣ управляли законы, народъ уважалъ авторитетъ сената и позволялъ ему руководить дѣлами, въ Кароагенѣ, гдѣ управляли злоупотребленія, народъ хотѣлъ, чтобы все дѣлалось имъ самимъ. Римъ былъ бѣденъ, Кароагенъ былъ богатъ: но золото и серебро истощаются, а доблесть, твердость, сила и бѣдность неистощимы. Много и другихъ политическихъ и нравственныхъ преимуществъ было на сторонѣ Рима, а тѣ преимущества, какія были на сторонѣ Кароагена, какъ, напримѣръ, лучшая конница, знакомство съ моремъ, были римлянами быстро приобретены. Въ три мѣсяца римляне, не знакомые съ моремъ, создали себѣ флотъ по образцу сѣвшаго на мель у ихъ береговъ кароагенскаго корабля, обучили матросовъ и снарядили суда: пустившись въ море, этотъ флотъ встрѣтилъ кароагенскій и разбилъ его. Такова въ первую пуническую войну побѣда Дуллия. Но всего болѣе разница въ духѣ, нравахъ и учрежденіяхъ сказалась во вторую пуническую войну, въ борьбѣ съ Аннибаломъ. Римляне были разбиты этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ при рѣкахъ Тичинѣ и Требин, при Тразименскомъ озерѣ, наконецъ при Каннахъ, послѣ чего отступились почти всѣ народы Италіи. Но при всемъ томъ, они не просили мира, слѣдуя своему всегдашнему правилу не входить съ врагомъ ни въ какое соглашеніе, пока онъ находится на ихъ землѣ (такъ было поступлено съ Пирромъ, такъ было отчасти поступлено раньше и съ Коріоланомъ). Римскимъ женщинамъ (по поводу страшнаго пораженія при Каннахъ) запрещено было плакать, сенатъ отказался выкупать плѣнныхъ и отправилъ жалкіе остатки разбитой (при Каннахъ) арміи въ Сицилію, не давая этой арміи ни вознагражденія, ни какихъ либо военныхъ почестей, пока Аннибалъ не былъ прогнанъ изъ Италіи. Rome fut sauvée par la force de son institution, говоритъ Монтескьё по этому случаю. Послѣ побѣды надъ Аннибаломъ, когда Риму приходилось вести „лишь малыя войны и одерживать большія побѣды“, развертывается во всю ширь новая страшная его сила, политика сената. Искусно пользуясь какъ враждебными, такъ и дружественными отношеніями иностранныхъ государствъ, возстановляя одни государ-

ства противъ другихъ, беря подъ свое покровительство недруговъ того государства, противъ котораго направлены римскія интриги, слѣдуя правилу „раздѣлять, чтобъ повелѣвать“, доводя государство, которое намѣчено, какъ добыча, постепенными требованіями до невозможности оказать какое бы то ни было сопротивление, вездѣ выступая съ корыстными и властолюбивыми цѣлями, политика римскаго сената стала важнѣйшимъ двигателемъ того всемірнаго завоеванія или захвата, которымъ отличается римская исторія со времени сокрушенія, послѣ 2-й пунической войны, могущества Карвагена. Рядомъ съ ходомъ римскихъ завоеваній шла въ стѣнахъ Рима внутренняя борьба, борьба плебеевъ съ патриціями, за равенство политическихъ правъ, за участіе въ государственныхъ должностяхъ, борьба упорная, въ высокой степени поучительная. Уходъ плебеевъ на священную гору далъ имъ законныхъ защитниковъ въ лицѣ трибуновъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность болѣе успѣшнаго сопротивленія несправедливостямъ и притѣсненіямъ со стороны патриціевъ. Въ этой борьбѣ, ведшейся въ обѣихъ сторонахъ съ крайнимъ упорствомъ, но безъ революціонныхъ потрясеній, плебей исторгали у патриціевъ уступку за уступкой, пока не достигли всѣхъ общественныхъ должностей, полного уравненія въ правахъ съ патриціями. Затѣмъ уже пошла борьба демократіи съ аристократіей за преобладаніе, борьба, которая велась другими средствами и которая служила уже не къ возвышенію Рима, а къ паденію. Но прежде чѣмъ начать говорить о причинахъ послѣдняго, Монтескьё считаетъ нужнымъ указать на ту особенность римской государственной конституціи, что она въ самой себѣ носила коррективъ, безъ котораго не могутъ долго существовать свободныя учрежденія. Коррективъ этотъ заключался въ цензурѣ, въ особомъ органѣ власти, имѣвшемъ право наказывать за злоупотребленія, которыхъ законъ не предвидѣлъ, или за которыя обыкновенная власть не имѣла права наказывать. Цензоръ могъ удалить лицо, нарушившее правила чести или требованія добропорядочности и нравственности, изъ сената и даже изъ трибы, что лишало гражданина права даже подачи голоса. На этомъ останавливаются „соображенія“ Монтескьё о причинахъ величія римлянъ и начинается разсмотрѣніе причинъ упадка.

Соображенія Монтескьё, объясняютъ многое въ ходѣ поступательнаго движенія Рима, въ достиженіи имъ необыкновеннаго государственнаго величія, но не все. Онъ приписываетъ большую важность римскому вооруженію. Но вѣдь римскій легіонъ и его вооруженіе, это страшное тяжеловѣсное метательное копьё (pilum), этотъ страшный

римскій мечъ (gladius), который пускался въ ходъ, когда бой былъ подготовленъ метательными оружіемъ, равно какъ и все ихъ легкое оружіе, метательныя копья и стрѣлы, все это не было специально римскимъ. а было италійскимъ. Поэтому, если римляне въ теченіи 500 лѣтъ своей исторіи, когда они не выходили изъ предѣловъ Италіи. одерживали верхъ не только надъ другими латинскими городами и надъ сабинянами, равно какъ надъ вольсками, эквами, герниками, самнитами, но и надъ этрусками и даже надъ греками южной Италіи. то тутъ должна была дѣйствовать съ самаго начала другая и притомъ важная причина. Очевидно, римляне были созданы изъ нѣсколько особаго тѣста, чѣмъ другія италійскіе народы. Мы видѣли, изъ какихъ элементовъ составила ихъ первоначальная раса, и какъ сочетаніе этихъ элементовъ было удачно. Затѣмъ, если Римъ, младшій изъ городовъ въ древнемъ Лаціумѣ, такъ быстро выдвинулся среди нихъ и еще въ царскій періодъ взялъ надъ ними гегемонію, то этимъ онъ былъ обязанъ несомнѣнно въ очень большой степени своему счастливому положенію при большой рѣкѣ, которая, служа для него удобнымъ средствомъ торговыхъ сообщеній, въ то же время была его защитой съ сѣвера. Рѣка эта выходила въ море, черезъ которое доставлялись въ Кампанію, въ Лаціумъ, въ Этрурію и въ Лигурію товары близкихъ и отдаленныхъ странъ Востока, Юга и Запада. Что эти товары приходили въ устья Тибра въ значительномъ количествѣ, на это ясно указываетъ построенная тамъ еще царемъ Анкомъ Марціемъ гавань Остія, рано достигшая, какъ городъ, большого процвѣтанія. Ясно, что мѣсто, на которомъ возникъ Римъ и мимо котораго проходило все торговое движеніе по Тибру, давало Риму преимущество передъ другими городами Лаціума. Преимущество это состояло не только въ томъ, что дѣлало его важнымъ городомъ для Лаціума, но и въ томъ, что, какъ стоявшій, такъ сказать, на большой дорогѣ городъ и служившій для Лаціума какъ бы окномъ въ большой свѣтъ, онъ естественно долженъ былъ расти быстрѣе другихъ городовъ страны, какъ расположенныхъ въ альбанскихъ горахъ, такъ и въ долинахъ Тибра и Аніо, и обнаруживать больше движенія въ идеяхъ и вообще въ умственномъ развитіи. Какъ растутъ и какъ выигрываютъ передъ другими въ развитіи связанныя съ моремъ города, мы знаемъ это не изъ американской только исторіи (Нью-Йоркъ, Чикаго, Филадельфія). но и изъ нашей отечественной. Не говоря о Новгородѣ, который, именно благодаря своей связи съ моремъ, сдѣлался большимъ торговымъ городомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ центромъ умственнаго движенія въ

отдаленнѣйшій періодъ русской жизни, не говоря объ Одессѣ, раз-
 вившейся въ крупнѣйшій центръ городской жизни на нашихъ глазахъ.
 вспомнимъ, какъ быстро пошелъ государственный ростъ Россіи со
 времени основанія Петербурга, который, вмѣстѣ съ своимъ руководя-
 щимъ значеніемъ въ международной торговлѣ Россіи, не замедлилъ
 приобрести и умственное главенство въ государствѣ. Тамъ, гдѣ боль-
 шая дорога или большая станція, происходитъ столкновеніе разнооб-
 разныхъ элементовъ, обмѣнъ идей. Чѣмъ этотъ обмѣнъ разнообразнѣе,
 тѣмъ развитіе идетъ быстрѣе. Это впрочемъ вещи, всякому извѣ-
 стныя, и я останавливаться на нихъ не буду. Первоначальная исто-
 рія Рима для насъ темна, но ранняя выдающаяся его роль въ Ла-
 ціумѣ объясняется и самымъ его географическимъ положеніемъ—
 мысль, высказанная въ первый разъ еще сорокъ слишкомъ лѣтъ на-
 задъ Моммзенемъ, но до сихъ поръ не нашедшая себѣ надлежащаго
 признанія.

Что такой городъ, который какъ бы отъ колыбели былъ предна-
 значенъ играть выдающуюся роль среди другихъ, не только рано дол-
 женъ былъ прибрать къ рукамъ какія-нибудь въ нѣсколькихъ верстахъ
 отъ него лежавшія Антемы, Ценину, Коллатію, Фидены, но и нашелъ
 себя вынужденнымъ разрушить Альбу-Лонгу, главный городъ латин-
 скаго союза и общую метрополию латинскихъ городовъ, это выясняется
 тѣмъ-же географическимъ положеніемъ. Съ одной стороны для него
 требовалась территория, которая была кругомъ его занята раньше
 сабинскими или латинскими, а отчасти и этрусскими (Фидены) по-
 селеніями, съ другой—расположенная въ какихъ-нибудь двадцати съ
 небольшимъ верстахъ отъ него въ горахъ Альба-Лонга, глава всѣхъ
 другихъ городовъ страны, такъ ясно своимъ существованіемъ угро-
 жала передовой роли Рима, что послѣднему оставалось или отказаться
 отъ этой роли, или разрушить соперничающую городъ. Римъ рѣ-
 шился на послѣднее, какъ онъ впоследствии рѣшился разрушить
 Каррагенъ, который, пока существовалъ, былъ угрозой развитію его
 міроваго значенія. Всякій разъ, когда мнѣ приходилось съ высоты
 Альбанскихъ горъ, именно съ мѣстности, окружающей Альбанское
 озеро, смотрѣть внизъ на семихолмный городъ на Тибрѣ, или изъ
 Рима смотрѣть на господствующее въ этихъ мѣстахъ положеніе особо
 отъ горной цѣли Апенниновъ стоящаго конусообразнаго массива Аль-
 банскихъ горъ, я неизбѣжно приходилъ къ мысли, что если Римъ
 разрушилъ Альбу-Лонгу, то былъ вызванъ на этотъ жестокой посту-
 покъ больше всего чувствомъ политическаго самосохраненія. Этимъ-же

чувствомъ, а не охотою жить грабежемъ, объясняется и его завоевательная политика во всемъ Лаціумѣ. Латинскіе города не могли равнодушно смотрѣть на возникающее величіе новаго города. Отсюда— ихъ вражда къ нему, изъ вражды—войны, а изъ войнъ—римское завоеваніе, сопровождаемое выселеніями и разрушеніями. Особенно безпокойны были для Рима постоянныя войны въ южномъ Лаціумѣ—съ Вольсками, которымъ упорно помогали съ Востока ихъ сабелльскіе союзники Эквы; но эти войны, какъ и войны на сѣверныхъ границахъ, въ Этруріи, и на югѣ, въ землѣ Самнитовъ, были школой, въ которой и выработалось военное искусство Рима, оказавшееся затѣмъ побѣдоноснымъ не только въ остальной Италіи, но и въ цѣломъ мірѣ.

Итакъ, съ одной стороны, удачно скомбинированная раса, съ другой исключительное въ странѣ географическое положеніе: вотъ, по моему, двѣ основныхъ причины, обусловившія въ зародышѣ будущее величіе Рима. Далѣе, необходимость съ первыхъ дней вести борьбу за существованіе закалила Римлянъ въ военныхъ доблестяхъ и приготовила къ побѣдоноснымъ войнамъ съ иностранными народами. Рядомъ съ этимъ выступаютъ на первый планъ сообразныя съ свойствами и потребностями народа религіозныя и политическія учрежденія, среди которыхъ воспитался тотъ, полный серьезности, гражданской и военной дисциплины, римскій духъ, который высказывался въ твердости, самоотверженіи, въ готовности на всякіе подвиги для блага и славы отечества, и которому потомъ уже ничто противостать было не въ состояніи, — духъ гражданской общины, сознавшей въ себѣ призваніе стать во главѣ всѣхъ народовъ, *regere imperio populos*, какъ это призваніе было впоследствии сформулировано въ знаменитыхъ стихахъ шестой книги Энеиды Виргилія ¹⁾. Эти религіозныя и политическія учрежденія, начало которымъ было положено еще въ царскій періодъ, но которыя никогда не переставали развиваться и были тѣмъ, что дѣлало римлянина римляниномъ, были главною связью, главнымъ цементомъ государственной крѣпости. Безъ религіознаго акта не начиналось у Римлянъ никакое государственное дѣло; уваженіе къ законамъ, уваженіе къ избраннымъ властямъ поддерживало правильность въ отправленіи государственныхъ дѣлъ и обязанностей. Но, почитая достоюжнымъ образомъ, по строго опредѣленнымъ формуламъ, боговъ, покровителей его государства, и воздавая должное властямъ, которыя вели дѣла этого государства, римлянинъ твердо зналъ свои права,

¹⁾ Aen. VI, 847—853.

носили въ себѣ высокую идею свободнаго гражданина, которому не можетъ быть причиною никакое насиліе, котораго, какъ несокрушимая твердыня, защищаетъ законъ, который, наконецъ, въ случаѣ слишкомъ строгаго примѣненія закона, можетъ обратиться къ защитѣ народа, и которому, хотя бы онъ находился въ отдаленнѣйшемъ углу подвластнаго Риму міра, достаточно было сказать „я римскій гражданинъ“, чтобъ внушить къ своей персонѣ извѣстное уваженіе и своего рода неприкосновенность. Если посламя Пирра римскій сенатъ показался собраніемъ царей, то и каждый римскій гражданинъ, выросшій не только въ сознаніи великой государственной мощи своего отечества, но и полной политической свободы, которая опиралась на выработанныя путемъ долгой борьбы государственныя учрежденія, и носившій въ себѣ, понятно, чувство особаго достоинства, могъ казаться выше, чѣмъ граждане другихъ государствъ или гражданскихъ общинъ, какъ подчиненныхъ Риму, такъ и независимыхъ, пока таковыя еще оставались на земномъ шарѣ. Учрежденія, способствовавшія выработкѣ доблестныхъ гражданъ, и граждане, опиравшіеся въ своей общественной дѣятельности на дорогія имъ учрежденія, были естественными и самыми могучими двигателями римскаго величія.

Такимъ образомъ, въ созданіи римскаго величія участвовали: сильная раса, счастливое географическое положеніе, хорошая военная школа, прибрѣтенная необходимостью вести съ первыхъ дней тяжелую борьбу съ сосѣдями за существованіе, мудрыя государственныя учрежденія, воспитывавшія въ гражданахъ чувства законности и свободы, гражданского достоинства и національной гордости, и, наконецъ, добрыя нравы, внушавшіе каждому стремленіе къ исполненію долга въ дѣлахъ общественныхъ и предпочтеніе интересовъ государства всякимъ другимъ интересамъ, равно какъ личнымъ, семейнымъ или партійнымъ соображеніемъ. Утрата или даже только ослабленіе силы одного или нѣсколькихъ изъ этихъ условій неизбѣжно влекли за собою колебаніе и затѣмъ упадокъ государства, упадокъ сначала внутренній, а потомъ и внѣшній.

В. Модестовъ.